

Бруно Латур
Когда вещи дают отпор:
возможный вклад «наукovedения» в социальные науки

Bruno Latour
When things strike back: a possible contribution of «science studies»
to the social sciences. -
British Journal of sociology. Vol.51, N 1
(January/March, 2000), pp.107-123

Статья посвящена рассмотрению «подраздела социологии», который называется «исследования науки и техники». Представители этой разновидности социологии согласны, что необходимо «распространить исследовательские программы социальных наук за пределы того, что прежде считалось социальным» (с.108). Это позволит по-новому рассматривать вещи, не деля их на природные и социальные.

В соответствии с преобладающим в социальных науках представлением, дать социальное объяснение каких-либо природных явлений – значит представить эти явления не просто как объективные природные сущности, но и как вместилище чего-то еще, что они хранят и скрывают. Это «что-то еще» суть те или иные социальные функции и социальные факторы. Дать социальное объяснение – значит, в конечном счете, *заместить* объект, принадлежащий природе, *другим объектом*, принадлежащим обществу, показав при этом, что такой другой объект и есть «подлинная субстанция» первого. Посредством подобного объяснения демонстрируется власть и мощь общества. В конечном счете место законов природы должны были бы занять социальные функции: «объективное» в результате заменяется на «только социальное».

Получается, что «социальное объяснение», понимаемое описанным выше образом, ведет, по существу, к разрушению самого объекта исследования, поскольку на деле «исследования науки и техники» стремятся заменить естественные науки, «социализируя» их предмет. Если же эти исследования не желают получить такой результат, то должны отказаться от самой идеи объяснить что-либо, находящееся за пределами традиционно представляемой социальной сферы. А это разрушительно для социальных наук.

Латур исходит из того, что природные объекты сопротивляются социальным объяснениям. Отсюда, как правило, делались два вывода. Большинство философов науки держались того мнения, что попытка социального объяснения природы обречена на неудачу, поскольку «факты» располагаются за пределами социального порядка. Второй вывод заключается в признании того, что *все* объекты обладают спецификой, не поддающейся объяснению посредством указания на нечто, по отношению к чему они будто бы выступают в качестве дублеров. Сам автор статьи придерживается второй позиции.

Если невозможно заместить второй закон термодинамики каким-то социальным фактором, который на деле будто бы и «выражает» данный закон, то следует быть последовательным и признать, что, возможно, и прочие объекты незаменимы посредством «социальных объяснений». Отстаивание этого взгляда и является вкладом «исследований науки и техники» в социальные науки.

Признание «уникальной специфики и адекватности» объектов имеет два важных последствия для социальных наук. Первое касается «понятия общества», второе

связано с представлением о том, что следует делать социальным наукам в попытке уподобиться наукам естественным.

«Общество» не может выступать в качестве объяснительной инстанции. «Общество» составляется, конструируется, поддерживается и собирается. Оно не является «скрытым источником причинности», способным объяснять существование и стабильность того или иного действия или поведения. Распространение представлений о «сетях» и «потоках» подтверждает это. Г. Тард отшучен, он торжествует над Э. Дюркгеймом: общество ничего не объясняет, оно само должно быть объяснено. Слово «социальный» кодирует не субстанцию и не сферу реальности, а способ увязывать вместе гетерогенные пучки, транслировать один вид сущностей в другой» (с.113). Изучение техники показывает, в какой мере многие основные характеристики прежних обществ проистекали из способности артефактов конструировать социальный порядок.

Прежние попытки уподобления социальных наук естественным опирались на представление о том, что исследования естественных наук объективны. Такое представление не подтверждается наблюдением и изучением реальных процессов научного исследования. В научном исследовании не только присутствует изобретательность, фантазия и игра, но и признается «уникальная адекватность» объектов, которым позволено говорить своим языком и проявлять «непослушание» по отношению к установленным исследовательским процедурам. Это же призваны делать и социальные науки. Им следует отказаться от всякого навязывания исследовательским объектам своих интересов и предвзятых схем и позволить объектам «говорить самим за себя». Следует, прежде всего, отказаться от таких специфических антропологических и исторических подходов, как жесткое разделение природы и общества, необходимости и свободы, предметных сфер естественных и социальных наук.

Изменению позиции социальных наук может способствовать «новая политическая ситуация». Большинство социальных наук были «изобретены» столетие назад, причем одной из причин их формирования было желание положить конец политическому процессу, связанному с гражданскими войнами и революциями. Социальные науки могли выполнять определенную функцию в социальной инженерии, призванной достичь согласия и благополучия в обществе без посредства болезненного политического процесса. Отсюда и появление «знаменитой концепции общества», знание о котором как о некоей четко определенной сущности должно было способствовать решению такой задачи.

В настоящее время социальные науки имеют возможность отказаться от теоретических представлений об обществе, скоррелированных с указанной социальной задачей, и рассматривать «вещи» так, как это предлагают «исследования науки и техники», т.е. как разнообразные, обсуждаемые, коллективные, недостоверные, не разделяемые жестко на природные и социальные.

*Ю.А. Кимелев
Н.Л. Полякова*